

**СКАЗКА “КОНЁК-ГОРБУНОК” П.П. ЕРШОВА
В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ
И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ¹**

© 2015 г. Н. В. Перцов

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Волхонка, д.18
nvpertsov@rambler.ru

**Pyotr P. Yershov's fairy-tale “The Little Humpbacked Horse”:
A Linguistic/Historical and Textological Analysis**

© 2015 N. V. Pertsov

Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher (Full Professor level) at
the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, 18-2 Volkhonka Str., Moscow
119019, Russia
nvpertsov@rambler.ru

В последнее десятилетие стали появляться работы, в которых делаются попытки оспорить авторство сказки “Конёк-Горбунук” и доказать, что она принадлежит перу не П.П. Ершова, а А.С. Пушкина. Несостоятельность этих попыток демонстрирует предлагаемая статья.

For the last score years, there have appeared several publications, which attempt to cast into doubt the known authorship of *The Little Humpbacked Horse* (‘Konyok-Gorbunok’) and aim to prove that the fairy-tale was penned by Alexander S. Pushkin instead of Pyotr P. Yershov. This article exhibits the weakness of such arguments.

Ключевые слова: авторство, сказка, Ершов, Пушкин, языковая прикреплённость.

Key words: authorship, fairy-tale, Yershov, Pushkin, linguistic attachment.

Сказка П.П. Ершова “Конёк-Горбунук” впервые предстала перед российской читательской аудиторией в 1834 году: сначала в начале мая в журнале “Библиотека для чтения” – частично (первая часть и начало второй) [1], а затем в сентябре того же года – отдельной книгой [2] (сокращенно КГ-1²).

Сказка была встречена восторженно; её успех можно отчасти сравнить с успехом молодого Пушкина. Правда, был и отрицательный отклик – со стороны Белинского [3], однако он появился позже сугубо хвалебных – спустя несколько месяцев после выхода книги. Характерно одно свидетельство, принадлежащее А.М. Языкову, брату поэта, навестившему Пушкина в Болдине 26 сентября 1834 года. Рассказывая в письме к В.Д. Комовскому об этом визите, Языков пишет, что Пушкин показывал ему “несколько сказок в роде Ершова” [4, с. 539]. Вспомним, что еще до появления “Конька-Горбунка” Пушкин опубликовал две свои сказки – “Сказку о царе Салтане” и “Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях”: первая вышла за два года, а вторая – за три месяца до публикации “Конька” в “Библиотеке для чтения”. При этом Языков, еще не зная полного текста “Конька”, всё же связывает сказки Пушки-

¹ Настоящая работа представляет собой несколько видоизмененную версию уже опубликованной статьи автора: *Перцов Н.В.* Ещё раз об авторстве сказки “Конёк-горбунук” // Материалы Михайловских Пушкинских чтений «“Когда б я был царь...”». Художник и власть» (21–25 августа 2013 года) и научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе. “На их полях она встречается / Черты его карандаша...”» (23–27 апреля 2014 года). [Сб. ст.]. – Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2014. – (Серия “Михайловская пушкиниана”, вып. 63). – С. 77–98. [Интернет: <http://www.ruslang.ru/doc/percov/percov2014a.pdf>].

² Ниже в статье используются следующие сокращения: КГ-*i* – *i*-ое издание “Конька-Горбунка”, т.е. КГ-1 – первое издание (СПб., 1834), КГ-4 – четвертое (СПб., 1856), КГ-5 – пятое (СПб., 1861).

на с Ершовым – а не наоборот! – тем самым отдавая “сказочный” приоритет Ершову³. Это говорит о том, насколько популярен в русском читающем обществе был тогда “Конёк-Горбунок”.

Зависимость “Конька” от упомянутых двух сказок Пушкина была очевидна для многих: 4-стопный хорей с парной рифмовкой; связь с фольклором; изображение царского дома (царь, царица или царица); упоминания таких реалий сказок Пушкина, как царь Салтан (в первой части), остров Буян, где в лесу стоит гроб с мертвой девицей (в присказке ко второй части); море-океан и океанские пейзажи; одушевляемые небесные светила – Месяц и Солнце. Встречаются переклички отдельных строк. Можно предположить, однако, что некоторые читатели заметили и существенные отличия “Конька-Горбунка” от сказок Пушкина – а именно, сказовый стиль, наличие явного рассказчика⁴, существенно больший удельный вес просторечия и диалектизмов (например, *сухотка*, *доселева*, *ражрый*, *балясы*⁵), большую реалистичность и более тесную связь с крестьянским бытом⁶, меньший лиризм повествования⁷. Если же взглянуть на фактуру стиха, тогда между сказками Пушкина и “Коньком” можно увидеть различия не менее

существенные. Особенно явно проявляются они в рифмовке: в первом издании “Конька-Горбунка” обнаруживается 21 “резко неточная” рифма:

*мороз ~ промёрз, Двору ~ Царю, хвалит ~ погладит, пучок ~ шелк, подполз ~ хвост, опочивальни ~ ставни, смехом ~ потеху, книжку ~ слишком, поимки ~ ширинки, копытом ~ сердито, несравненна ~ Царевна, идти ~ подожди, потом ~ поклон, ветер ~ вечер, киту ~ копытом, мило-сердный ~ бедный, служебным ~ молебны, морю ~ раздолью, сундучок ~ полк, смелость ~ захотелось, должно ~ можно ль*⁸

Между тем в четырех рифмованных сказках Пушкина имеются только две рифмы такого рода (*полбы ~ полный* и *морщить ~ корчить* в “Сказке о попе и о работнике его Балде”).

Если же понятие неточности рифмовки расширить за счет приблизительных рифм, тогда рифменная свобода в КГ-1 становится еще более явной. В [11, с. 9] приводится следующий результат подсчетов: “Неточных рифм в первой цензурной редакции сказки 125, что составляет около 11% от общего числа рифм”.

В стихах Ершова первой половины 1830-х годов – исключая “Конька-Горбунка” – я насчитал 14 “резко неточных” рифм:

атаман ~ рядам, ненаглядный ~ перекалтый, ус ~ уст, небес ~ звезд, <перед> ними ~ пустыни, болезнь ~ здесь, случилось ~ милость, сыщу ~ притчу, пути ~ груди, высь ~ жизнь, чертог ~ восторг, слезы ~ еси, дышит ~ подвижет, послухны ~ малодушных, грозы ~ красы

Из них шесть рифм встречаются в балладе “Сибирский казак” (среди её 258 рифм), написанной в том же 1834 году, когда вышла в свет сказка, а опубликованной в следующем 1835-м [12]; три рифмы в этой балладе – палатальные: *спешит ~ вступить, спешит ~ спросить, лежит ~ спросить*⁹.

⁸ Любопытно, что в семи случаях “резко неточных” рифм Ершов в четвертом издании от них избавился, изменив текст первого так, что рифма стала точной. Ср. данные А.И. Кушнера [11, с. 9]: “203 рифмы были переработаны Ершовым в варианте 1856 года <...>. Таким образом, изменения коснулись 406 стихов, что составляет 18% от общего числа рифм первой цензурной редакции (т.е. 18% старых рифм были изменены). <...> Особый интерес представляют частичные замены бедной рифмы на богатую <...>”.

⁹ Можно отметить между КГ-1 и “Сибирским казаком” лексические параллели: (1) в КГ-1: “От того-то по три ночи / Не показывал я очи” [2, с. 92] ~ в “Сибирском казаке”: “Вот уж по-три я слышу то ночи” [12, т. 8, с. 13]; (2) в КГ-1 часто употребляется локативное наречие *тут* во временном значении ~ в “Сибирском казаке” читаем: “И с сердечной тоской / Тут казак молодой / Молодую жену обнимает” [12, т. 8, с. 16]; (3) в КГ-1: “Вот неделей через пять / Начал Спальник

³ «Не Пушкин воспринимается законным “начинателем” “этого рода сочинений” – а Ершов!» [5, с. 17].

⁴ “Натуралистическая манера сказа” – по характеристике П.Я. Черных [6, с. 125]. Ср. также: “Для Ершова-сказочника в гораздо большей степени, чем для Пушкина, характерна сказовая манера письма, имитация устного исполнения” [7, с. 262].

⁵ Это так называемые семантические архаизмы, большое число которых принадлежит к “простонародной, просторечной и диалектной лексике”; их число увеличилось в КГ-4: *нешто, ажно, зельно, суседка, ражрый* и пр. [8, с. 108].

⁶ «Литературная сказка, созданная автором-сибиряком, отражает реалии Сибири, ее своеобразную культуру в XIX веке, ментальность и язык людей этого края. <...> Знание быта Западной Сибири, жизни ее сословий, особенно приртышского крестьянства, обусловило появление в сказке бытовых сцен, ее реалистических элементов, а близкое знакомство с чиновничьей средой, творящей произвол в сибирской глубинке, – впечатляющие сатирические образы российской государственности. Речь сказки вбирает, по наблюдениям языковедов, речь этой сибирской глубинки (разговорное просторечие, “старинные сибирские слова”, разговоры, речевые клише в обращении)» [9, с. 22–23].

⁷ “<...> есть и то, что отличает сказочника Ершова от сказочника Пушкина. <...> это – словесный мир сказки, тип организации сказочного повествования. Стиль пушкинских сказок при всей своей демократичности высоко поэтичен, в них нет нарочито неправильных конструкций, элементы просторечия встречаются довольно редко, а диалектизмы или малоупотребительные слова практически отсутствуют. Слово в сказках Пушкина семантически емко, но при этом в большинстве случаев стилистически нейтрально. Ершов же передоверяет повествование о сказочных событиях условному рассказчику, который то и дело напоминает читателю о своем присутствии <...>” [10, с. 3–4].

Таким образом, у Ершова обнаруживается гораздо больший “либерализм” в отношении к рифменной точности – если взять вообще рифменную практику Золотого века. Всего в его стихах “резко неточных” рифм порядка тридцати – исключая 21 неточную рифму в КГ-1. Для зрелого Пушкина такого рода неточные рифмы – редкость необычайная. У него неточных рифм довольно много в первые лицейские годы: до 1816-го года у него насчитывается около 60-ти таких рифм. А потом начинается явный отход от них, и в последующие двадцать с лишним лет в известных нам стихотворных текстах Пушкина мы не насчитаем такого количества “резко неточных” рифм, как у Ершова¹⁰. Например, возьмём – по последнему прижизненному изданию – “Евгений Онегин”: он по объёму превосходит “Конька-Горбунка” более чем в два раза, а число “резко неточных” рифм – только три: *плоды ~ мечты, любви ~ дни, молот ~ город*.

примечать” [2, с. 42] ~ в “Сибирском казаке”: “И недель через пять / Ворочуся опять / Да с добычей к тебе боевою” [12, т. 8, с. 16]. – Разительное сходство обнаруживается также между КГ-1 и стихотворным драматургическим опытом Ершова, относящимся к 1833 году – “Сцена в лагере”: 4-стопный хорей, бодрый задорный тон, просторечная лексика, выражение *не ударить в грязь лицом*. Нечто похожее мы видим в стихотворении Ершова “Русский штык”, предположительно датированном тоже 1833-м годом. (Любопытно, что относительно небольшая – примерно 80 строк – “Сцена в лагере” до сих пор полностью ещё не опубликована. Автограф не сохранился; писарская копия находится в альманахе Майковых “Подснежник” в рукописном отделе Пушкинского Дома (№ 16493 / С V 6 22. Л. 53–55); полным её текстом и архивными данными я обязан Т.П. Савченковой, которой всё это предоставила Д.М. Климова).

¹⁰ О неточных рифмах у раннего Пушкина писал В.Е. Холшевников, отмечая влияние Державина: “Наряду с точными Державин первым стал свободно применять неточные рифмы, в которых гласные совпадают, но более или менее сильно различаются заударные согласные (*царевна – несравнённа, разгулье – правосудье* и т.п.). Несомненно под его влиянием в первом периоде лицейского творчества Пушкин свободно пользуется неточными рифмами (*Назрой – взором, вспомнил – молвил* и т.п.). <...> Неточные рифмы Пушкина созданы именно по образцу державинских: совпадение заударных гласных звуков и различие в согласных. Отличие от Державина в том, что Пушкин в первом периоде пользуется также приблизительными рифмами, в которых тождественны заударные согласные, но не совпадают гласные (*иконой – поклоны* и т.п.). Приблизительные рифмы у Державина действительно очень редки. <...> С 1816 года происходит резкий перелом: неточные рифмы исчезают у Пушкина почти полностью, приблизительные становятся редкими” [13, с. 446–448]. Если вернуться к “рифменной стихии” в КГ-1, в ней так же, как у раннего Пушкина, виден “державинский след”; ср. у А.И. Кушнера: «<...> в “Коньке-Горбунке” на рифменном, строфическом и фабульном уровне обнаруживается переключки со стихотворной традицией XVIII века, в частности, с творчеством Г.Р. Державина» [11, с. 10].

По данным А.И. Кушнера, сказки Пушкина существенно отличаются от “Конька-Горбунка” также в отношении богатства рифмовки: у Пушкина доля богатых рифм в “Сказке о царе Салтане” составляет 29%, в “Сказке о мертвой царевне” – 35%, а в “Коньке-Горбунке” богатых рифм лишь 21,5% [14, с. 42]. Есть различия и в ритмике между сказками Пушкина и “Коньком”, хотя они и не столь выразительны, как расхождения в рифмовке. По данным Кушнера, разность между процентом ударности сильной второй стопы и слабой первой у Пушкина составляет 42%, а у Ершова – более 48% [15, с. 66].

Что касается течения поэтического повествования, в “Коньке-Горбунке” оно отличается неровностью – в сопоставлении со сказками Пушкина. В самом деле, наряду с пассажами замечательными или вполне добротными и “ловкими” (по выражению Сенковского, отметившего в предисловии к первой публикации “легкость и ловкость стиха” юного автора [1, с. 212]), в сказке обнаруживаются очень неудачные и слабые места – в фоническом, стилистическом или содержательном отношении. Аттестация некоторыми коллегами сказки “Конёк-Горбунка” как “гениальной”, как превосходящей сказки Пушкина мне представляется совершенно неадекватным преувеличением. Выражаясь образно, поэтическая речь в трёх хореических сказках Пушкина “словно реченька журчит”, а в “Коньке” – такое мерное журчание прерывается иногда каким-то неприятным “скрежетом”.

Вниманию читателей предлагаются примеры неудачных фрагментов в КГ-1 [полужирным начертанием выделены фрагменты цитат, на которые следует обратить особое внимание; в квадратных скобках даны соответствующие страницы из КГ-1 и КГ-4, в угловых – комментарии автора статьи (курсивом), а в фигурных – коррекции из КГ-4]:

(1) Дождь вот так ливня и лил; / Под дождем я все ходил; / **Правда**, было мне и скучно, <...> [7–8]. <Уступительное “правда” не вполне уместно: между предшествующим и последующим контекстом “расхождения” нет>. {<...> Рубашенку всю смочил. // Уж куда как было скучно!.. [8]}.

(2) А дурак наш, не снимая / Ни лаптей, ни малахая, / Отправляется на печь, / И ведет оттуда речь / Про ночное похождение, / **Старику** на удивленье [14–15]. <Ивана слушал не только старик отец, но и братья>. {<...> **Всем ушам** на удивленье [15]}.

(3) Братья разом согласились, / Обнялись, перекрестились, / И вернулись домой, / Говоря про-

меж собой / Про коней, и про пирушку, / И про чудную **свиньюшку** [18–19]. <Конёк-Горбунок почему-то уничижительно охарактеризован как “свиньюшка”>. {<...> И про чудную зверушку [20]}.

(4) Взяли двух коней тайком / И отправились потом {тишком}. / **Удалого** погоняют, / Да о деньгах рассуждают [19]. <Про “удалого” коня ничего ранее не говорилось – он возникает неожиданно и немотивированно>. {В КГ-4 [20] последние две строки сняты}.

(5) Все по прежнему стояло, / Двух коней как не бывало, / Лишь **бедняжка** Горбунок {игрушка-горбунок} / У его вертелся ног, <...> [20]. <Горбунок почему-то охарактеризован как “бедняжка”>.

(6) Огонек горит светлее, / Горбунок бежит скорее, / И чрез несколько минут / **При огне конек – как тут** [25–26]. <Выделенная строка представляется дефектной как в фоническом, так и в содержательном отношении>. {<...> Вот уж он перед огнем / Светит поле, словно днем [28]}.

(7) Весь отряд тут усмехнулся, / Сам глашатай **заикнулся** [30]. <Заикание глашатай не мотивировано>. {Весь отряд тут поклонился, / Мудрой речи подивился [33]}.

(8) Два же брата между тем / Деньги царски получили, / В шапку накрепко зашили, / И **отправили гонца**, / Чтоб обрадовать отца [35]. <“Отправлять гонца” не было нужды: братья вскоре сами “отправились домой”>. {<...> Постучали ендовой, / И отправились домой [39]}.

(9) Наш Иван в конюшню входит, / Без свечи, без фонаря, / Распевая **про царя** [45]. <“Распевание про царя” – при этом наедине с самим собой – выглядит очень странно – при иронично-критическом отношении к нему Ивана>. {Фрагмент в КГ-4 [45–46] существенно изменен, при этом “распевание про царя” исчезло}.

(10) Царь прищурясь глазом левым, / Закричал к нему со гневом: <...> [50]. <Какое-то странное управление – “кричать к кому” – ср. (20)>.

(11) **Пал Иван к коньку на шею**, / Обнимал и целовал [56 и 66]. <Конёк – “ростом ровно в три вершка”, т.е. очень низкого роста; если “пасть к нему на шею”, его можно и раздавить>.

(12) Вот теперя ты узнал, / Для чего я **запрещал** [54]. <Небрежный эллипсис – что конек запрещал Ивану?>

(13) Наш Иван, от них закрытой, / Смотрит птиц из под корыта / И толкует сам с собой, /

Разводя своей рукой: <...> [58]. <От удивления разводят в сторону обе руки, а не одну>.

(14) Тут Иван с конька слезает, / А конек ему **вешает**: / “Ну, раскидывай шатер, / На ширинку ставь прибор / Из заморского варенья <...> [69–70]. <“Торжественный” глагол “вешать” здесь неуместен; то же – в (21)>.

(15) “**Месяц мать мне**, солнце – брат” [78]. <Месяцу (муж. род) подобает быть скорее отцом – к тому же в другом месте он именуется “Месяц Месячович”>.

(16) А ведь терем с **теремами**, / Будто город с деревнями <...> [90]. <Множественное число здесь неуместно: ранее упоминался только один терем>.

(17) Поклонившись, как умел, / На конька Иван тут сел, / Свиснул, будто витязь знатной, / И пустился в путь обратной. // На другой день наш Иван / Вновь **пришел** на Окиян [94]. <Иван на океан не пришел, а приехал на Коньке Горбунке>.

(18) Что, Отец мой? в небе был **ли**? / Мне прошение испросил **ли**? [95] <Очень неблагозвучное, режущее слух двукратное сочетание звука [л]>.

(19) “Отыскать его в минуту, / И послать в мою **каюту**!” / Кит во гневе закричал / И усами закачал [100]. <Какую каюту имеет в виду кит?>

(20) Появился чудо-кит / И **к** Ивану говорит: <...> [107]. <Странное управление – “говорить к кому”; ср. (10)>.

(21) “Ох, беда мне, горбунок! / (Наш Иван ему **вешает**) <...> [116]. <Ср. (14)>.

Такого рода неудачных мест – с моей точки зрения – в КГ-1 около сотни; здесь представлена лишь пятая часть. Возможно, не все согласятся с тем, что в каждом из представленных примеров имеет место действительная неудача; одна из очень уважаемых мною коллег, посвятившая много времени и сил исследованию жизни и творчества Ершова и плодотворно работающая на этой ниве, даже обиделась на меня за Ершова – за то, что я так сурово аттестую его сказку¹¹. Однако для столь юного возраста подобного рода неровность поэтического повествования вполне извинительна и оправдана (можно лишь изумляться тому, какие удивительные красоты – наряду с неудачами – открываются нам в “Коньке” 1834-го года).

¹¹ Смею надеяться, что по большинству пунктов большинство читателей со мною согласятся. Во всяком случае, представленный материал неудач в КГ-1 не вызвал ни одного возражения со стороны филологической аудитории при обсуждении моих докладов о “Коньке-Горбунке”, прочтенных весной 2013 г. (см. ниже в самом конце статьи).

А вот для Пушкина – особенно в пору его полного творческого расцвета – подобного рода “срывы” стиха совершенно не характерны.

При жизни автора сказка выдержала семь изданий – между 1834-м и 1868-м годами; из них ключевыми следует считать первое, четвертое – 1856 года – и пятое – 1861-го (КГ-1, КГ-4 и КГ-5). Между первым и четвертым изданиями обнаруживается несколько сот (точнее – около тысячи) расхождений, из которых примерно триста представляют собой более или менее существенные коррективы текста (остальное – отличия пунктуационного или “опечаточного” рода). Некоторое количество коррекций – около пятидесяти – Ершов внёс и в пятое издание, вышедшее спустя пять лет после четвертого. Отмечу, что утверждения, нередко встречающиеся в ершововедении, о тождественности текста первого и второго издания (второе – Москва, 1840 – через шесть лет после первого), строго говоря, реальности не соответствуют: во втором издании имеется весьма много значимых пунктуационных изменений. При этом это второе издание – в отличие от третьего (Москва, 1843) – осуществлялось с ведома Ершова, и я бы не стал исключать возможность его, так сказать, “дистантного” участия в его подготовке: Ершов мог из Тобольска в Москву послать – или даже посылать – те или иные указания по коррекции текста. А если брать в расчет значимую пунктуацию и отдельные орфограммы, нельзя говорить и о полной тождественности пятого и последних двух прижизненных изданий – 1865 и 1868 гг.

В течение 160 лет после первого появления в печати сомнений в авторстве этой сказки никто не выражал; в середине же 1990-х годов пушкинист А.А. Лацис выдвинул версию пушкинского авторства сказки [16], и эта версия была поддержана литературоведами В.Г. Перельмутером [17] и В.А. Козаровецким [18], а затем – в совместной работе лингвистов Л.Л. и Р.Ф. Касаткиных [19].

В связи с дискутируемым вопросом об авторстве сказки из всех изданий для нас наиболее важно первое – 1834 г., единственное вышедшее в свет при жизни Пушкина.

Высокий поэтический уровень и зрелость произведения девятнадцатилетнего автора, столь поразившие российскую читающую аудиторию в 1834 году, делают этот феномен едва ли не уникальным в русской литературе. Действительно, в ней, как кажется, нет другого произведения, написанного в столь юном возрасте и при этом не имеющего себе равных в последующем творчестве автора. (Если обратиться к зарубежной литературе, мне известен только один аналог, а именно – во фран-

цузской литературе Артур Рембо.) Возможно, загадка этого юношеского взлёта навсегда останется неразгаданной – если только не обнаружатся какие-либо новые источники сведений о создании сказки, на что рассчитывать, увы, оснований мало.

Лично для меня, для ряда коллег, с которыми мне довелось обсуждать текст сказки, надеюсь, и для немалой части читателей настоящей статьи, приведенные примеры неудач в КГ-1 (вместе с другими неудачными местами¹²), подкрепленные представленной выше “резкой неточностью” рифмовки, а также отчетливо сказовым и просторечным стилем повествования в КГ-1, – все эти факты авторство Пушкина полностью исключают¹³. Однако не так обстоит дело для других, и в последние годы неоднократно звучали призывы вернуть Пушкину то, что ему якобы принадлежит.

Я не буду подробно полемизировать с работами А.А. Лациса, В.Г. Перельмутера и В.А. Козаровецкого – с их активным отстаиванием пушкинского авторства “Конька”. Можно поразиться тем мотивам, которые упомянутые авторы при этом приписывают Пушкину: желание скрыть высокий гонорар от жены и желание преодолеть цензурные препоны. Первый – скрывание гонорара – вызывает в памяти рассказы Зощенко или

¹² Для отвода авторства Пушкина достаточно было бы обратить внимание всего лишь на пункты (6) и (18) в приведенном выше перечне неудач в КГ-1. Известно, как чувствителен был Пушкин ко всякого рода стихотворной какофонии; как сокрушался он по поводу цензурного изменения двух стихов в первом издании “Кавказского пленника”. В его письме Н.И. Гнедичу от 27 сентября 1822 г. это выражено сдержанно: “<...> ей дней ей ей не благозвучнее ночей; <...>”. Что же касается письма П.А. Вяземскому от 14 октября 1823 г., в нем, процитировав вставленные цензурой строки – “Не много радостных ей дней / Судьба на долю низпослала”, – Пушкин восклицает: “Зарезала меня Цензура! Я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать ей дней в конце стиха. Ночей, ночей – ради Христа, ночей Судьба на долю ей послала. То ли дело: ночей, ибо днем она с ним не видалась – смотри поэму. И чем же ночь неблагопристойнее дня? которые из 24 часов именно противны духу нашей Цензуры? Бируков добрый малой, уговори его или я слягу” [20, с. 38, 51]. Здесь слышится прямо-таки стон музыканта, чей слух поражен уродливым неблагозвучием!

¹³ К указанным выше характеристикам текстов следует, по-видимому, присоединить то обстоятельство, что “Конёк-Горбунук” существенно отличается от текстов Пушкина по составу лексики. По данным Л.А. Островской, «<...> из 2440 слов его сказки более 2000 (2044, т.е. 5/6) употреблялись А.С. Пушкиным, зарегистрированы в его словаре. И лишь менее 400 слов (396, т.е. 1/6 или 16,5 проц.) сказки “Конёк-Горбунук” не оказалось в словаре великого поэта» [21, с. 6–7]. Однако Островская осуществляла подсчеты по позднейшей редакции сказки; для чистоты же наших выводов аналогичные подсчеты следует провести с привлечением исключительно текста КГ-1.

намеренно абсурдные тексты Хармса (его “Анекдоты из жизни Пушкина” или драматический текст “Пушкин и Гоголь”: в первых рассказывается о том, что Пушкин не умел сидеть на стуле, а во втором – как он спотыкался “об Гоголя”, а Гоголь – “об Пушкина”); второй – цензурный – мотив стоит сопоставить с прижизненной историей “Сказки о Золотом петушке”, написанной осенью 1834 г., благополучно прошедшей цензуру и вышедшей в 1835-м – а в этой последней сказке царь предстает едва ли не в более неприятном облике, чем в “Горбунке”. Для В.А. Козаровецкого сомнений в пушкинском авторстве нет никаких, и он уже дважды (в 2009 и 2011 гг.) выпустил “Конька” под именем Пушкина и с зачеркнутой фамилией Ершова на обложке. Несокрушимая уверенность Лациса и Козаровецкого в своей правоте, придание ими сугубо научного статуса их аргументации, отчетливо выражаемая неприязнь и неуважение к “академической” филологии прямо-таки пропитывают страницы их работ; Козаровецкий предлагает подвергнуть её “открытому суду общественности” – с обсуждением проблемы “на телевидении в открытом эфире” [18, с. 128; 22, с. 332]. Однако должен сказать прямо: работы сторонников пушкинского авторства КГ-1 носят не научный, а чисто публицистический характер. Это проявляется на поверхности: точные ссылки на источники отсутствуют, библиографического аппарата нет, встречаются поразительные неточности в изложении фактов и цитировании; тем обстоятельствам, которые благоприятствуют их концепции, придаётся неоправданно большой вес – те же, которые ей противоречат, обходятся молчанием. А.А. Лацис в важной цитате из статьи Белинского (на которую точная ссылка отсутствует – говорится просто об “одной из статей 1835 года”) делает с помощью многоточия купюру, придающую этой цитате благоприятный для рассуждений автора смысл [16, с. 200]. В.Г. Перельмутер уверенно утверждает по поводу пушкинской “Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях”: “Это сочинение закончено в ноябре 1833 года, не опубликовано” [17, с. 46] – тогда как сказка Пушкина вышла в свет в 1834 г. за три месяца до первой публикации “Конька”. У В.А. Козаровецкого неверно указывается дата рождения Ершова – вместо 22 февраля 1815 года указано 15 февраля [18, с. 10] (повторяется эта ошибка и в книге Козаровецкого 2012 г. [22, с. 283] – последней из известных мне публикаций). Нет смысла предпринимать сейчас подробную демонстрацию произвольности и неточностей в текстах упомянутых сторонников пушкинского авторства. Детальный аналитический критический разбор их

версии, демонстрация изъянов в их аргументации были самым убедительным образом даны в статье Т.П. Савченковой [23], составившей затем отдельную главу в её книге [24]. Эта превосходная книга посвящена новым архивным находкам и разысканиям в области ершоведения, а особенно важная в связи с настоящей статьей глава в ней удачно названа «“Конёк-Горбунок” в зеркале сенсационного литературоведения»; и я полностью присоединяюсь к такой характеристике упомянутых работ, которые – повторяю – я бы аттестовал как относящиеся не к науке, а к публицистике. Убедительна также аргументация против сторонников пушкинского авторства Лациса и Перельмутера в статье Д.М. Климовой, в которой исследовательница характеризует стиль их сочинений так: “что ни слово, то путаница” [25, с. 8].

Далее я обращусь к научной работе – к статье Л.Л. и Р.Ф. Касаткиных [19], в которой авторы стремятся обосновать пушкинское авторство “Конька-Горбунка” сугубо со стороны лингвистических данных. Приводится довольно большое число таких диалектных явлений, которые, во-первых, присутствуют в первом издании сказки, во-вторых, в тех или иных местах подверглись коррекции Ершова и исчезли в четвертом (иногда, впрочем, не во всех местах, а только в некоторых) и, в третьих, не были свойственны языковому окружению Ершова в его детские и юношеские годы. На основе последнего обстоятельства делается утверждение, что такого рода диалектные явления были Ершову неизвестны или чужды, что поэтому он и не был автором первого издания и что именно поэтому он от многих из них отказался в четвертом, вышедшем спустя 22 года. Я воспринимаю такое утверждение как опирающееся на некоторый тезис, который можно было бы назвать, скажем, так: тезис о языковой прикреплённости носителя языка. Вот как можно его сформулировать: носитель языка не может в своей письменной деятельности использовать диалектные явления, не свойственные языковому окружению его детства и юности. Тезис этот явно в [19] не формулируется, однако из самого хода рассуждений наших коллег в данной статье, как мне представляется, он выявляется.

Этот тезис представляется ошибочным. Примеры, его опровергающие, найти нетрудно. Литератор не только может усвоить диалектные особенности, отсутствовавшие в языковом окружении его детства и юности, – в зрелом возрасте он может начать писать на неродном языке, выученном довольно поздно. Скажем, поэт и драматург Егор Розен до 19 лет жил в Эстляндской губернии, по его собственному признанию, выучился русскому

языку по поступлении в гусарский полк, а впоследствии писал по-русски. Что касается диалектизмов, Алексей Ремизов многие свои тексты насыщал диалектизмами, чуждыми его детству и юности. Ершов же оказался в Петербурге в 15-летнем возрасте – и до первого появления в печати строк “Конька-Горбунка” жил в этом городе более трех с половиной лет, учась в университете. Жил он в отнюдь не аристократической части города – на Песках, общался с извозчиками, ямщиками, пришлыми людьми, слышал речь городского люда – и что же, разве не мог пытливый юноша усвоить многое из того, чего не слышал в детские и отроческие годы в Сибири? Еще следует принять во внимание, что изначально диалектные феномены нередко проникают и в литературный язык, что представители аристократии прибегали к просторечию и диалектизмам (можно вспомнить старую графиню из “Пиковой дамы”). Если же строго придерживаться неявно используемого в [19] тезиса о языковой прикреплённости носителя языка, тогда и Пушкину нужно отказать в знании псковских диалектизмов: ведь впервые в сознательном возрасте он попал в Псковскую губернию в 18 лет по окончании Царскосельского лицея. Кстати, неукоснительное следование этому тезису авторство Пушкина исключает в силу предписываемого этим тезисом незнакомства поэта с немногочисленными “сибиризмами”, отмеченными в тексте КГ-1: *шайтан, боярак, работать* (с ударением на последнем слове) и др. [26, с. 91, 96, 97].

Наконец, те или иные диалектные черты, в знании которых наши коллеги отказывают молодому Ершову, встречаются на страницах литературных произведений, вышедших в свет до появления “Конька-Горбунка”, в частности – в произведениях Пушкина. Известно, что Ершов был ярым книголюб; есть свидетельство его университетского товарища, что после лекций Ершов уходил домой к своим любимым книгам. Один из мемуаристов встречал Ершова со связкой книг под мышкой; Ершов часто посещал в Петербурге книжную лавку Смирдина¹⁴.

¹⁴ Литератор Юрий Арнольд вспоминал в своих мемуарах случайную встречу с Ершовым в петербургской кондитерской: “<...> помню я, что очень поразила меня высокая и плечистая фигура вошедшего блондина одних почти лет со мною, который нес под мышкою целую кипу книг. <...> Встретил я затем через несколько дней опять своего незнакомца в музыкальном магазине Карла Пеца, где он покупал ноты, какие-то пьески для флейты, сочинения Тюлу и Зусмана. <...> Неделью спустя понадобилась мне какая-то книга, и я отправился в книжный магазин Смирдина. Первого <sic>, кого мой взор встретил, это мой незнакомец, который разговаривал с самим Смирдиным. Вскоре молодой человек отошел и стал рассматривать книги, выложенные на огромном столе, стоящем посреди магазина. Тут-то я узнал от приказчика, что это Ершов” [27, с. 113].

Обратимся к примерам из материала обсуждаемой статьи [19]. В ней в одном из пунктов [19, с. 29–31] рассматривается ударение у некоторых существительных женского рода (*изба, река, спина, коса* и другие), и говорится, что ударение на окончании в форме вин. падежа ед. числа *избу́, реку́, спину́, косу́* псковским говорам свойственно, а тюменским – нет, и, таким образом, оно Ершову было чуждо – и вот именно поэтому фрагменты первого издания с такими формами он изменил так, чтобы избавиться от якобы чуждых ему акцентов. Вот пример такого рода коррекции:

КГ-1: Дай-ка я подкараулю, / И под нос такую дулю, / Поднесу я дураку, / Что хоть тут же и в **реку** [44]. ~ КГ-4: <...> А нешто, так я и пулю, / Не смигнув, умею слить; / Лишь бы дурня уходить [44].

Здесь в первом издании мы видим форму *реку́*, а в соответствующем месте четвертого её там нет. Говорится, что Ершов не мог написать словоформу *реку́* с ударением на окончании. Однако в опубликованной на следующий год после “Конька-Горбунка” (уже упоминавшейся) балладе Ершова “Сибирский казак” (в двух номерах журнала “Библиотека для чтения”) мы встречаем именно такое ударение [12, т. 10, с. 20]: “Вот гора. На лету / Он сравнял высоту / И несется широкой долиной. / Вот река. Чрез **реку**! / На могучем скаку / Он сплотил берега над пучиной”. Сказка вышла в 1834-м, баллада была написана тоже в 1834-м, и в ней Ершов именно так и написал, именно с таким ударением – на окончании, а не на основе!

Обсуждается избавление Ершовым в четвертом издании от фрагмента первого “обшед избу кругом”, и говорится по этому поводу следующее:

“<...> приведена форма *обшед*, которая, наряду с подобными формами приставочных глаголов от глагола *идти* – *пришед, ушед* и др., отмечается в небольшой части северо-западных говоров в Псковской, Новгородской и Ленинградской обл. <...>. Эту форму не мог знать Ершов по тобольским говорам, но хорошо знал и употреблял Пушкин <...>” [19, с. 31].

В современном языке у нас есть две вариантные формы деепричастия от названных глаголов – форма на *-я* (например, *войдя*) и форма на *-ши* (*вошедши*); первые стандартны и распространены, вторые маргинальны. В языке же пушкинского времени к этим двум формам деепричастия присоединялась третья, бессуфиксная – на *-шед* (*вошед*), причем в тогдашних литературных текстах эта форма, архаичная для современного языка, существенно преобладала, в чем легко можно убедиться, задав

на сайте “Национального корпуса русского языка” (www.ruscorpora.ru) соответствующие поисковые запросы (при этом ограничив область поиска текстами до 1834 года) – причем как в основном под-корпусе, так и в поэтическом. Надо сказать, что формам на *-шед* – по отношению к формам на *-я* – явное предпочтение отдавал и Пушкин: количество первых у него превышает количество вторых в 17 раз! Так что с формами деепричастий на *-шед* Ершов был хорошо знаком по тогдашним литературным текстам и вполне мог их слышать в своем петербургском окружении. Замечу, что весной 1833 г. в первом издании “Евгения Онегина” мы две такие формы встречаем – *ушед* и *нашед*, и они фигурируют уже в соответствующих местах отдельных изданий второй главы (в 1826-м и 1830-м) и третьей (в 1827-м). А уж знакомство Ершова с отдельными главами “Онегина” до выхода первого полного издания романа в стихах высоковероятно! Добавлю, что форма деепричастия *пришедши* есть в “Сибирском казаке”, а для приставочных глаголов от *идти* форм деепричастий на *-я* у Ершова в известных нам текстах нет.

Утверждается, что слово *армяк* как название крестьянской мужской верхней одежды не было свойственно окружению детства и юности Ершова – там соответствующую одежду называли *азям*. В статье говорится, что Ершов если и знал это слово, то в другом значении – “нерасторопный, неуклюжий человек”; вот потому-то, говорят авторы, он и заменил в четвертом издании фрагменты с этим словом на другие, избавляясь от чуждого ему *армяка* [19, с. 33–34]. Однако слово *армяк* в значении “одежда” представлено уже в “Словаре Академии Российской”, в первом томе 1789 года (второе значение):

АРМЯК, ка. с. м. 1) Ткань из велблужей шерсти, на подобие камлота сотканное: вероятно так названное от Армении, откуда оное с начала привозили. Ныне у нас ткнут оное в Астрахане и Уралске. 2) Из сказанного изтканья зделанная верхняя одежда наподобие халата. 3) В военном наречии шерстяное редкое и толстое тканье, употребляемое при Артиллерии на картузы пушечные [28, т. 1, стб. 47].

По данным сайта “Национальный корпус русского языка”, *армяк* в значении “одежда” в русской литературе встречается и до “Конька-Горбунка” – в частности, в двух популярных тогда романах Булгарина – “Иван Иванович Выжигин” и “Дмитрий Самозванец” – и в двух романах Загоскина – “Юрий Милославский” и “Рославлев”; эти романы как раз вышли в свет в конце 1820-х – начале 1830-х годов, и ими зачитывались. Наконец, у самого Ершова мы находим это слово в прозаическом

“драматическом анекдоте” – пьесе “Суворов и станционный смотритель”, написанной скорее всего в 1835 г. (вышел в свет отдельной книгой в 1836-м): “*Староста*. Уж не бойся, Иван Иваныч. На всех новые **армяки**, так что твои сертуки; да вот и я приоделся как Соломон во славе” [29, с. 39]¹⁵.

Отмечается, что из следующего фрагмента КГ-1 – “Тут конек под ним забился, / И по берегу пустился; / Только видно<,> как песок / Вьется вихорем у ног, / Будто сделалась погода” [1, с. 87] – в 4-м издании Ершов снимает строку со словом *погодка*, и по этому поводу утверждается «неприемлемость для него значения этого слова в 1-м издании “ветренная погода”», которое имеется в псковских говорах [19, с. 35]; приведены два примера из текстов Пушкина, содержащих слово *погода* с данным значением [там же].

Во-первых, оба приведенных пушкинских фрагмента входят в тексты, опубликованные до КГ-1; во-вторых, как свидетельствует сайт “Национального корпуса русского языка”, в русской литературе и до КГ-1 имеются факты употребления слова *погодка* в соответствующем значении, а именно – у Державина в стихотворении “Аристиппова баня” (1811), у Загоскина в романе “Юрий Милославский, или Русские в 1612 году” (1829), у Даля в “Сказке о похождениях черта-послушника, Сидора Поликарповича, на море и на суше <...>” (1832); в-третьих, слово *погода* в нужном значении мы встречаем уже во втором томе “Словаря Академии Российской” (1792 г.):

Пого́да, ды. с. ж. 1) Состояние воздуха. *Тихая, приятная, весенняя, дурная погода*. 2) **Ветр**. *Поднялась сильная погода* [28, т. 2, стб. 167–168].

Итак, версия пушкинского авторства “Конька-Горбунка” представляется ошибочной: ей резко противоречат данные как историко-литературного характера, так и лингвистического.

Я вовсе не претендую на разъяснение загадки этой сказки – она остаётся: как мог юный автор создать столь значительное и яркое произведение? Почему в дальнейшем он не достиг подобных же высот? При этом у Ершова есть вполне добротные – хорошего уровня – стихотворные произведения, интересная проза, либретто опер, драматические опыты. Неверно, что после выхода “Конька-Горбунка” талант Ершова исчез полностью, как энергично настаивают наши оппоненты, – нет, у Ершова многое талантливо, правда, не так талантливо, как сказка “Конёк-Горбунок”. При-

¹⁵ Отмечу еще яркие просторечные пересечения между КГ-1 и этой пьесой: глаголы *раздвиться* и *спрошать*, речение *тары-бары*.

ходится признать, что в данном случае мы имеем едва ли не уникальное явление в русской литературе. Ближе всего к случаю Ершова случай Грибоедова. Неизвестно, написал бы Грибоедов что-то превосходящее “Горе от ума”, если бы не погиб в Тегеране. Никто, однако, не высказывает сомнений в грибоедовском авторстве комедии только на том основании, что другие произведения Грибоедова не достигают тех же высот. Правда, Грибоедов создал свой шедевр в гораздо более зрелом возрасте, нежели Ершов “Конька-Горбунка”...

Удивительным образом загадка “Конька-Горбунка” в течение многих десятилетий не привлекала достаточного внимания со стороны литературоведов, мемуаристов, писателей. Правда, уже в первой биографической книге о Ершове, вышедшей в 1872 г., мы читаем размышление по этому поводу: «В жизни Ершова особенно поразительным представляется, что он только выступил на поле литературное, выступил блистательно и – исчез. Подобное, правда, видим и в Богдановиче, написавшем только поэму “Душенька”, и в Грибоедове, создавшем только комедию “Горе от ума”. Такие странности в области творчества происходят, конечно, от степени энергии деятелей и от силы обстоятельств, среди которых вращалась их жизнь. Вникание в то и другое достойно труда: жаль, когда личность деятеля замечательного остается во мраке...» [30, с. 5].

В некоторых областях история человечества демонстрирует нам многочисленные примеры юношеских взлётов, которые в последующей жизни не были повторены: таковы, например, математика и шахматы. Не так обстоит дело в области художественного литературного творчества. В данной связи хотелось бы привести пронизательное эссе писателя Владимира Солоухина из его “Камешков на ладони”:

“В юности, в начале творческого пути, у поэта иногда вдруг получаются такие перлы искусства, которые изумляют всех.

Потом он приобретает опыт, становится мастером, постигает законы композиции, архитектоники, гармонии и дисгармонии, обогащается целым арсеналом средств и профессиональных секретов.

И вот, вооружившись всем этим, он всю жизнь пытается сознательно достичь той же высоты, которая в юности далась ему как бы случайно” [31, с. 6].

Заслуживает внимания предпринятая В.А. Кошелевым попытка объяснения “феномена Петра Ершова”, относящаяся к относительно недавнему времени [5, с. 23–24]:

«Феномен знаменитой поэмы-сказки “Конёк-Горбунок” – в том, что она написана *ребенком*.

Не *для* детей и не *про* детей, а самим носителем детства. В своем первом творении Ершов видит мир глазами ребенка <...> у Ершова просто не получилось “продолжать” найденный “образец” – просто он стал “большим”.

Он просто *повзрослел* – и у него произошла обыкновенная “ломка голоса”. Кроме того, он ощутил себя частью русской литературы, которой искренне захотел “соответствовать”. И стал создавать, что создавалось: нечто “качественное” – и вполне “обычное”. В своих попытках он, кажется, последовательно “перепробовал” все функциональные для 1830–1840-х годов литературные жанры – но вернуть изначальное детскоеприятие мира так и не смог».

Попробую и я внести свой вклад в разъяснение этой загадки.

Из позднейших мемуарных свидетельств известно, что Пушкин подверг текст сказки тщательному пересмотру. Об этом в 1855 году писал П.В. Анненков в первой биографии Пушкина, опираясь на устное свидетельство А.Ф. Смирдина: «В апогее своей славы, Пушкин с живым одобрением встретил известную Русскую сказку Г-на Ершова: “Конек-горбунок”, теперь забытую. Первые четыре стиха этой сказки, по свидетельству Г-на Смирдина, принадлежат Пушкину, удостоившего ее тщательного пересмотра» [32, с. 166]. Заметим, что Ершов и Смирдин в то время здравствовали и могли бы опровергнуть это свидетельство, если бы оно оказалось неправдой. Сразу вслед за приведенной цитатой Анненков добавляет: “Так точно перевод Фауста в стихах, сделанный Г-ном Губером, нашел в нем восторженного ценителя – и несколько часов утра в продолжении нескольких дней посвящены были проверке этого перевода, вместе с молодым его автором” [32, с. 166].

Если проверке перевода, сделанного Э.И. Губером, Пушкин мог посвятить столько времени, то не вправе ли мы допустить, что более близкому для него по духу тексту он посвятил тоже изрядное время? Решусь выдвинуть предположение, что степень причастности Пушкина к “Коньку-Горбунку” была немалой: поэт мог и направлять юного автора при сочинении сказки, и обращать его внимание на те или иные диалектные или просторечные лексические пласты, и предлагать для тех или иных мест свои поправки и варианты. Не обязана ли сказка высоким поэтическим уровнем отчасти редактуре Пушкина? Я не вижу пока ничего невероятного в таком предположении – при этом вовсе на нём не настаиваю. Известно же письмо Пушкина Вяземскому (август 1825 г.) – с подробным редактирующим разбором стихотво-

рения Вяземского “Нарвский водопад”, посланного в Михайловское. Пушкин в том письме предлагает своему адресату варианты для тех или иных строк – практически не пропускает ни одной строфы. В случае Ершова юный сибиряк – с “девственной” душой (как о нём писал его университетский друг Андрей Ярославцов¹⁶), возможно, понравился “первенствующему поэту русскому”, который мог и не пожалеть своего времени на редактуру текста Ершова. Если так и было, тогда становится понятным молчание Пушкина в печати по поводу “Конька-Горбунка” (в отличие, скажем, от его печатных откликов на “Вечера на хуторе близ Диканьки” Гоголя или на сборник стихов Виктора Теплякова). Может быть, причастность Пушкина к сказке была столь значительна, что поэту было неловко хвалить произведение, в которое он вложил свои изрядные редакторские усилия.

Отмечу, что утверждения сторонников пушкинского авторства, что во всех – или в большинстве – случаев коррекций в четвертом издании Ершов ухудшил текст первого, выглядит совершенно неубедительно: верно, что нередко текст после коррекции ухудшается, однако имеется довольно много мест с явным улучшением. Некоторые примеры читатели могут найти в разделе настоящей статьи, демонстрирующей языковые и содержательные неудачи в КГ-1, обратив внимание на коррекции в фигурных скобках.

Итак, в случае казуса, связанного со сказкой “Конёк-Горбунок”, в последние 20 лет мы наблюдаем парадоксальную ситуацию: для объяснения одного удивительного и загадочного литературного феномена, а именно – высоко поэтического классического произведения юного автора, в дальнейшем не создавшего ничего близкого по уровню, высказывается утверждение о пушкинском авторстве сказки, из чего вытекают еще более удивительные следствия, чем сам исходный феномен, – следствия прямо-таки невероятные: обращение автора к непривычным для него характеристикам стиха и повествования, не свойственным другим его сказочным текстам. К таким характеристикам следует отнести “резко неточную” рифмовку, меньшее богатство рифмовки, особый ритмический рисунок 4-стопного хорея, отчетливо сказочный стиль повествования, большее насыщение текста просторечием и реалистическими бытовыми деталями, явно выделяемую фигуру сказочника-повествователя, меньший лиризм повествования. Кроме этого, невероятными для Пушкина пред-

ставляются, во-первых, языковые и содержательные неудачи сказки и, во-вторых, предполагаемые мотивы передачи авторства другому лицу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ершов П. <П.> Конек-Горбунок. Русская сказка // Библиотека для чтения, 1834, том третий. № 2. – С. 212–234. [Yershov, P.P. *Konek-Gorbunok. Russkaya skazka* [The Little Humpbacked Horse. The Russian fairy tale]. *Biblioteka dlya chteniya* [The Library for Reading]. 1834. Vol. 3, no. 2, pp. 212–234.]
2. Ершов П. <П.> Конек-Горбунок. Русская сказка. В III частях. – СПб., 1834. [Yershov, P.P. *Konek-Gorbunok. Russkaya skazka. V III chastyakh* [The Little Humpbacked Horse. The Russian fairy tale. In 3 parts]. St. Petersburg, 1834.]
3. Белинский В.Г. <Рец. на кн.> Конек-Горбунок. Русская Сказка. Сочинение П. Ершова. В III частях. Санкт-Петербург, в Типографии Х. Гинце, 1834. 122. (12)> // Молва, 1835, № 9. – Стб. 143–145. [Belinskiy, V.G. [Review of the book *Konek-Gorbunok. Russkaya skazka. Sochinenie P. Yershova. V III chastyakh* [The Little Humpbacked Horse. The Russian fairy tale. A Work of P. Yershov. In 3 parts]. St. Petersburg: Kh. Hinze Publ., 1834. 122. (12)] *Molva* [Rumour] 1835, no. 9, col. 143–145.]
4. Садовников Д. Отзывы современников о Пушкине (к материалам для его биографии) // Исторический вестник. 1883. Т. 14. Декабрь. – С. 520–542. [Sadovnikov, D. [Reflections of the contemporaries on Pushkin (regarding the poet's biographical materials)] *Istoricheskij vestnik* [A Historical bulletin]. 1883. Vol. 14, December, pp. 520–542.]
5. Кошелев В.А. Феномен Петра Ершова // Ершовский сборник. Вып. 6. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2010. – С. 14–25. [Koshelev, V.A. [Pyotr Yershov's Phenomenon] *Yershovskij sbornik* [Collection of Articles in Honour of Yershov]. Iss. 6. Ishim, P.P. Yershov IGPI Publ., 2010, pp. 14–25.]
6. Черных П.Я. Заметки о языке “Конька-Горбунка” П.П. Ершова // Ершовский сборник. Вып. 3. – Ишим: ИГПИ им. П.П. Ершова, 2006. – С. 123–135. [Републикация по изданию: Новая Сибирь. № 11. – Иркутск: ОГИЗ, 1935. – С. 136–142.] [Chernykh, P.Ya. [Notes of the Language of P.P. Yershov' *The Little Humpbacked Horse*] *Yershovskij sbornik* [Collection of Articles in Honour of Yershov]. Iss. 3. Ishim, P.P. Yershov IGPI Publ., 2006, pp. 123–135. [Republished after the *Novaya Sibir* [New Siberia], no. 11. Irkutsk, OGIZ Publ., 1935, pp. 136–142.]]
7. Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. – Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1959. [Lupanova, I.P. *Russkaya narodnaya skazka v tvorchestve pisatelej pervoj poloviny XIX veka* [The Russian Folk Tale in the Works of the Writers of the

¹⁶ “<...> это была сибирская девственная натура, хранящая в себе какие-то драгоценности” [30, с. 11]; “<...> чистая, девственная душа Ершова <...>” [30 с. 133].

- First Half of the 19th Century]. Petrozavodsk, Karelskaya ASSR St. Publ., 1959.]
8. *Выхристюк М.С.* Семантическая характеристика архаизмов в сказке П.П. Ершова “Конёк-Горбунук” // Ершовский сборник. Вып. 2. – Ишим-Тобольск: ИГПИ им. П.П. Ершова, 2005. – С. 108–111. [Vykhristyuk, M.S. [Semantic Characteristics of the Archaisms in the Fairy Tale of P.P. Yershov *The Little Humpbacked Horse*] *Yershovskij sbornik* [Collection of Articles in Honour of Yershov]. Iss. 2. Ishim - Tobolsk, P.P. Yershov IGPI Publ., 2005, pp. 108–111.]
 9. *Евсеев В.Н.* 170 лет читаем “Конька-Горбунка” // Ершовский сборник. Вып. 2. – Ишим – Тобольск: ИГПИ им. П.П. Ершова, 2005. – С. 17–24. [Evseev, V.N. [We have been reading *The Little Humpbacked Horse* for 170 years] *Ershovskij sbornik* [Collection of Articles in Honour of Yershov]. Iss. 2. Ishim - Tobolsk, P.P. Yershov IGPI Publ., 2005, pp. 17–24.]
 10. *Сурат И.З.* Словесный мир сказки // Русская речь. 1984. № 4. – С. 3–8. [Surat, I.Z. [The Verbal World of the Fairy Tale] *Russkaya rech* [The Russian Speech], 1984, no. 4, pp. 3–8.]
 11. *Кушнир А.И.* Стих П.П. Ершова. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. [Kushnir A.I. *Stikh P.P. Ershova*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The Poetry of P.P. Yershov. Authorial Abstract for Cand. Philol. Sci. Diss.] Tyumen, 2008.]
 12. *Ершов П.* <П.> Сибирский казак. Старинная быль // Библиотека для чтения. 1835. Т. 8, с. 7–18 (часть первая); т. 10, с. 11–22 (часть вторая). [Yershov P.P. *Sibirskij kazak. Starinnaya byl* [The Kazak of Siberia. An Ancient Urban Legend] *Biblioteka dlya chteniya* [The Library for Reading], 1835. Vol. 8, pp. 7–18 (part 1); vol. 10, pp. 11–22 (part 2).]
 13. *Холшевников В.Е.* Стихосложение Пушкина-лицеиста // А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в двадцати томах. Том 1. Лицейские стихотворения 1813–1817. СПб.: Наука, 1999. – С. 440–460. [Kholshchevnikov, V.E. [The Pushkin Versification in the Lyceum Years] *A.S. Pushkin. Polnoe sobranie sochinenij v dvadtsati tomakh. Tom 1. Litsejskie stikhotvoreniya 1813–1817* [A.S. Pushkin. The Complete Works In 20 Volumes. Vol. 1. The Poetry of the Lyceum Years 1813–1817]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 440–460.]
 14. *Кушнир А.И.* Рифма “Сказки о царе Салтане” А.С. Пушкина и “Конька-Горбунка” П.П. Ершова: сравнительная характеристика // Ершовский сборник. Вып. 2. – Ишим – Тобольск: ИГПИ им. П.П. Ершова, 2005. – С. 40–43. [Kushnir, A.I. [The Rhymic Pattern In A.S. Pushkin's *The Tale Of Tsar Saltan* and P.P. Yershov's *The Little Humpbacked Horse*: A Comparative Study] *Yershovskij sbornik* [Collection of Articles in Honour of Yershov]. Iss. 2. Ishim - Tobolsk, P.P. Yershov IGPI Publ., 2005, pp. 40–43.]
 15. *Кушнир А.И.* Ритмика “Конька-Горбунка” П.П. Ершова в контексте русской стиховой культуры XVIII–XIX веков // Ершовский сборник. Вып. 1. – Ишим – Тобольск: ИГПИ им. П.П. Ершова, 2004. – С. 65–68. [Kushnir, A.I. [The Rhythmics of P.P. Ershov's *The Little Humpbacked Horse* in the Context of the Russian Verse-making Culture of the 18th-19th Centuries] *Yershovskij sbornik* [Collection of Articles in Honour of Yershov]. Iss. 1. Ishim - Tobolsk, P.P. Yershov IGPI Publ., 2004, pp. 65–68.]
 16. *Лацис А.А.* Верните лошадь! // П.П. Ершов. Конек-Горбунук: Русская сказка в трех частях. – М.: Совпадение; Сампо, 1997. – С. 197–225. [Latsis, A.A. *Vernite loshad! P.P. Yershov. Konek-Gorbunok: russkaya skazka v trekh chastyakh* [Lead back the horse! P.P. Yershov. *The Little Humpbacked Horse*: A Russian Fairy Tale in 3 parts]. Moscow: Sovpadenie Publ., Sampo Publ., 1997, pp. 197–225.]
 17. *Перельмутер В.Г.* В поисках автора // Александр Пушкин (?). Конёк-Горбунук: Русская сказка в трёх частях. – М.: SAM&SAM; РИК Русанова, 1998. – С. 27–54. [Perelmutter, V.G. *V poiskakh avtora. Aleksandr Pushkin (?). Konek-Gorbunok: russkaya skazka v trekh chastyakh* [In search of the author. Aleksandr Pushkin (?). *The Little Humpbacked Horse*: A Russian Fairy Tale In 3 Parts]. Moscow, SAM&SAM Publ., RIK Rusanova Publ., 1998, pp. 27–54.]
 18. *Козаровецкий В.А.* Сказка – ложь, да в ней намёк // Александр Пушкин. Конёк-Горбунук: Русская сказка: Вступительная статья и подготовка текста Владимира Козаровецкого. – М.: ИД КАЗАРОВ, 2011. – С. 3–128. [Kozarovetskiy, V.A. *Skazka - lozh, da v nej namek. Aleksandr Pushkin. Konek-Gorbunok: russkaya skazka: vstupitelnaya statya i podgotovka teksta Vladimira Kozarovetskogo* [‘The story's false; but in it lies Some truth, seen but by inward eyes’. Aleksandr Pushkin. *The Little Humpbacked Horse*: the Russian fairy tale: the foreword and text prep. by Vladimir Kozarovetskiy]. Moscow: KAZAROV Publ., 2011, pp. 3–128.]
 19. *Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф.* Язык – свидетель беспристрастный: Проблема авторства сказки “Конёк-Горбунук” // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2012, т. 71, № 5. – С. 23–45. [Kasatkin, L.L.; Kasatkina, R.F. [The Language is Unbiased Testifier: Debating the Authorship of the Fairy-tale “The Little Humpbacked Horse”] *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language], vol. 71, no. 5, pp. 23–45.] 2012.
 20. *Пушкин <А.С.>* Письма. Том I. 1815–1825 / под ред. и с прим. Б.Л. Модзалевского. Москва – Ленинград: Гос. изд-во, 1926. [Pushkin, A.S. *Pisma. Tom I. 1815–1825. Pod red. i s prim. B.L. Modzalevskogo* [Letters. Volume I. 1815–1825. Ed. and comments by B.L. Modzalevskiy]. Moscow: Leningrad, State Publ., 1926.]
 21. *Островская Л.А.* Языки стиль русской литературной сказки. Лингвостилистический анализ сказки П.П. Ершова “Конёк-Горбунук”. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1984. [Ostrovskaya L.A.

- Yazyk i stil russkoj literaturnoj skazki. Lingvostilisticheskij analiz skazki P.P. Yershova "Konek-Gorbunok"*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The Language and the Style of the Russian Literary Fairy Tale. Lingvo-stylistic Analysis of P.P. Yershov's Fairy Tale *The Little Humpbacked Horse*. Authorial Abstract for Cand. Philol. Sci. Diss.]. Tashkent, 1984.]
22. Козаровецкий В.А. Тайна Пушкина. "Диплом рогоносца" и другие мистификации. – М.: Алгоритм, 2012. – 368 с. [Kozarovetskiy, V.A. *Tajna Pushkina. "Diplom rogonosta" i drugie mistifikatsii* [The Pushkin Mystery. A "Cuckold Diploma" and Other Mystifications]. Moscow: Algoritm Publ., 2012, 368 p.]
 23. Савченкова Т.П. "Конёк-Горбунок" в зеркале "сенсационного" литературоведения // Литературная учёба. 2010. № 1. [Savchenkova, T.P. *The Little Humpbacked Horse In the Mirror of "Sensational" Study of Literature*] *Literaturnaya ucheba* [Literary studies], 2010, No. 1.]
 24. Савченкова Т.П. Пётр Павлович Ершов (1815–1869): Архивные находки и библиографические разыскания: моногр. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2011. – 344 с. [Savchenkova, T.P. *Petr Pavlovich Yershov (1815–1869): arkhivnye nakhodki i bibliograficheskie razyskaniya: monogr.* [Petr Pavlovich Yershov (1815–1869): Archival Discoveries and Bibliographic Findings: A Monogr<aph>]. Ishim, P.P.Yershov IGPI Publ., 2011. 344 p.]
 25. Климова Д.М. Пушкинские ли строки в "Коньке-Горбунке"? // Ершовский сборник. Вып. 5. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2008. – С. 3–12. [Klimova, D.M. [Are There Pushkin's Lines in *The Little Humpbacked Horse*?] *Yershovskij sbornik* [Collection of Articles in Honour of Yershov]. Iss. 5. Ishim, P.P. Yershov IGPI Publ., 2008, pp. 3–12.]
 26. Черных П.Я. Несколько сибирских диалектизмов в "Коньке Горбунке" П.П. Ершова // Сибирская живая старина. Вып. II. – Иркутск: Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества, 1924. – С. 87–97. [Chernykh, P.Ya. [Some Siberian Dialecticisms in *The Little Humpbacked Horse* of P.P. Yershov] *Sibirskaya zhivaya starina* [The Siberian Living Olden Time]. Iss. II. Irkutsk, East-Siberian division of the Russian Geographical Society Publ., 1924, pp. 87–97.]
 27. Арнольд Ю. Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. – М., 1892. [Arnold, Yu. *Vospominaniya Yuriya Arnolda* [Yuriy Arnold's Memoirs]. Iss. II. Moscow, 1892.]
 28. Словарь Академии Российской. Т. 1; СПб., 1789; т. 2; СПб., 1792. [*Slovar Akademii Rossijskoj* [The Russian Academy Dictionary]. Vol. 1, St. Petetrsburg, 1789; Vol. 2, St. Petersburg, 1792.]
 29. Ершов П.<П.> Суворов и станционный смотритель. Драматический анекдот. – СПб., 1836. [Yershov, P.P. *Suvorov i stantsionnyj smotritel. Dramaticheskij anekdot* [Suvorov and the Postmaster. A Dramatic Anecdote]. St. Petersburg, 1836.]
 30. Ярославцов А.К. Петр Павлович Ершов, автор сказки: Конек-Горбунок. – СПб., 1872. – 200 с. [Yaroslavtsov, A.K. *Pyotr Pavlovich Yershov, avtor skazki: Konek-Gorbunok* [Pyotr Pavlovich Yershov, the Author of the Fairy Tale *The Little Humpbacked Horse*]. St. Petersburg: 1872, 200 p.]
 31. Солоухин В.А. Камешки на ладони. – М.: Молодая гвардия, 1982. [Soloukhin, V.A. *Kameshki na ladoni* [Stonelets On the Palm]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1982.]
 32. Анненков П.В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Сочинения Пушкина. Том первый. СПб., 1855. [Annenkov, P.V. [Materials for the biography of Alexander Sergeevitch Pushkin] *Sochineniya Pushkina. Tom pervyj* [Works of Pushkin. Volume I]. St. Petersburg, 1855.]
 33. Лупанова И.П. О двух изданиях (первом и четвертом) сказки П.П. Ершова "Конек-Горбунок" // Ершовский сборник. Вып. 5. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2008. – С. 149–160. [Первая публикация – в кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 334–342.] [Lupanova, I.P. [On the Two Editions (the 1st and the 4th) of the Fairy Tale *The Little Humpbacked Horse* of P.P. Yershov] *Yershovskij sbornik* [Collection of Articles in Honour of Yershov]. Iss. 5. Ishim, P.P. Yershov IGPI Publ., 2008, pp. 149–160. [First published in: *Russkij folklor. Materialy i issledovaniya* [The Russian Folklore. Materials and Studies]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, pp. 334–342.]]
 34. Климова Д.М. Цензурная история сказки "Конек-Горбунок" // Российская словесность: эстетика, теория, история. – СПб.; Самара, 2007. – С. 63–72. [Klimova, D.M. [Censorial History of the Fairy Tale *The Little Humpbacked Horse*] *Rossiyskaya slovesnost: estetika, teoriya, istoriya* [Russian Literature: Aesthetics, Theory, History]. St. Petersburg; Samara, 2007, pp. 63–72.]
 35. Фролова Л.А. К вопросу о двух изданиях сказки П.П. Ершова "Конек-Горбунок" // Ершовский сборник. Вып. 2. – Ишим-Тобольск: ИГПИ им. П.П. Ершова, 2005. – С. 25–28. [Frolova, L.A. [Concerning the Two Editions of the Fairy Tale *The Little Humpbacked Horse* of P.P. Yershov] *Yershovskij sbornik* [Collection of Articles in Honour of Yershov]. Iss. 2. Ishim-Tobolsk, P.P. Yershov IGPI Publ., 2008, pp. 25–28.]